



Евгений Дубин

Ауры: Девочка демон

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Дубин

Ауры: Девочка демон

«Автор»

2026

Дубин Е. А.

Ауры: Девочка демон / Е. А. Дубин — «Автор», 2026

«Мир Аур» — фэнтезийная история о том, как привычный мир Юджина рушится в одно мгновение. Пытаясь разобраться в череде необъяснимых событий, он сталкивается с правдой, в которую невозможно поверить: в его реальность появились Ауры — человекоподобные существа, наделённые невероятной силой. С каждым новым открытием Юджин всё глубже погружается в чуждый и опасный мир, где ауры не просто обладают магией — они несут с собой перемены, способные стереть грань между жизнью и гибелью, дружбой и враждой, спасением и разрушением. Герою предстоит не только научиться выживать среди этих могущественных созданий, но и разгадать, зачем они пришли и какую роль в их планах уготовили ему. В этом путешествии Юджину встретятся те, кто готов стать союзником, и те, для кого он — лишь пешка в большой игре. Сможет ли он сохранить себя, когда сама реальность начинает трещать по швам, а каждый новый шаг грозит перевернуть всё, что он знал?

© Дубин Е. А., 2026

© Автор, 2026

Евгений Дубин

Ауры: Девочка демон

Глава 1

Ночь стояла такая плотная, что казалось, будто тьма сама по себе — это тяжесть, которую приходится тащить на плечах. Юджин стоял на посту, вглядываясь в чёрную пустоту за периметром базы. Пальцы на рукояти оружия побелели от напряжения, но он не замечал этого. Он вообще почти ничего не замечал, кроме тишины — слишком ровной, слишком неестественной.

И вдруг тишину разорвало.

Рядом, буквально в шаге от него, хрипло, надрывно, будто выдавливая каждое слово из самой груди, прокричал капитан-лейтенант:

— Беги! Нас предали... Уже поздно!

Юджин дёрнулся, обернулся — и мир на секунду сжался до одной картины: капитан лежал на земле, лицо искажено болью, глаза широко распахнуты, в них — чистый, ледяной ужас.

— Беги... — выдохнул капитан, и голос его оборвался.

Юджин рванулся к нему, упал на колени, подхватил, но тело уже обмякло. Он чувствовал, как жизнь уходит из этого человека — капля за каплей, секунда за секундой.

«Нет... Нет, не сейчас. Только не он. Он ведь только вчера смеялся, рассказывал про дочь...» — мысль царапала изнутри, не давала дышать.

Капитан посмотрел на него в последний раз. В этом взгляде не было ни упрёка, ни злости — только горькое понимание, что ничего уже не исправить.

А потом его глаза остекленели.

Юджин замер. Секунда повисла в воздухе, как натянутая струна, готовая лопнуть.

Он поднял голову и посмотрел в небо.

Там, над базой, где сейчас спали его товарищи, где за тонкими стенами спали его друзья, где горели редкие огни, в небе вспыхнули трассы. Не звёзды. Не метеоры. Ракеты. Много. Целый рой падающих огней, летящих прямо на них.

Время будто сломалось.

Юджин рухнул на колени. Ноги больше не держали. Он смотрел, как эти огни становятся всё ближе, как небо рождает смерть, и не мог пошевелиться. Тело отказалось слушаться.

«Неужели это всё? Неужели прямо сейчас всё закончится? Все умрут... Все, кто был рядом, кто смеялся со мной, кто прикрывал спину... Друзья... Они ведь даже не успеют проснуться. Это конец. Вот так выглядит моя смерть. Вот так заканчивается всё, что было важно...»

Мысли накатывали одна за другой, тяжёлые, как камни, придавливали к земле. Они становились всё тяжелее, всё невыносимее. Он чувствовал, как по щекам текут слёзы, как внутри всё сжимается от боли и бессилия.

Опустошённый взгляд, полный горя, смотрел прямо в падающие огни.

И тогда он закричал.

— А-А-А-А! — крик вырвался из самой глубины, громкий, отчаянный, полный боли и протеста против этой несправедливости.

В ту же секунду ракеты ударили по базе. Земля вздрогнула, воздух взорвался грохотом, пламя взметнулось вверх, разрывая ночь на куски. Вокруг всё рушилось, горело, кричало. Но

Юджина не задело. Он остался там, на коленях, среди хаоса, живой — по какой-то нелепой случайности, по воле судьбы или просто потому, что смерть на секунду отвернулась.

Потом инстинкт самосохранения всё-таки сработал. Слёзы будто застыли на щеках, не успев высохнуть. Зрачки сузились до точек, взгляд стал острым, цепким, почти звериным. Юджин поднялся с колен.

Он побежал.

Снаряды падали рядом, взрывались в метре, в полуметре, земля под ногами вздрагивала, но он продолжал бежать. В голове была пустота — ни мыслей, ни страха, только одно: выжить.

Кровь текла из ушей — от ударной волны, от грохота, который разрывал барабанные перепонки. Глаза были полны слёз и боли, а крики и взрывы сливались в один сплошной вой, который перекрывал всё.

И в какой-то момент мир снова треснул.

Деревянная балка, вырванная взрывом из стены дома, пролетела по дуге и ударила Юджина по голове. Он даже не успел её заметить.

Мир погас.

Он упал. Без сознания. Но сердце продолжало биться — упрямо, настойчиво, как будто отказывалось сдаваться.

А на горизонте уже поднимался рассвет. Первые лучи солнца осторожно касались земли, будто пытались согреть то, что осталось после ночи, полной огня и боли.

Когда Юджин пришёл в себя, он резко дёрнулся, пытаясь вскочить, но тут же почувствовал, как тело пронзает боль, а чья-то твёрдая, но спокойная рука мягко, но уверенно прижала его обратно к кровати.

— Тише, тише, не надо резко вставать, — спокойно, почти ласково сказал доктор, склонившись над ним. — Ты долго был без сознания. Сейчас главное — не торопиться.

Юджин смотрел на него, моргая, пытаясь собрать мысли в кучу.

— Где я?.. Что произошло?.. — голос звучал хрипло, будто он забыл, как говорить.

Доктор чуть наклонил голову, в его взгляде было и сочувствие, и усталость.

— Ты в госпитале. Та ночь... она изменила всё. База была уничтожена. Ты — единственный, кто выжил с той стороны периметра. Ударная волна отбросила тебя, но каким-то чудом ты остался жив. А потом... потом война закончилась. Подписали мирный договор. Всё кончилось, Юджин.

Юджин сглотнул, пытаясь удержать подступающие слёзы.

— Что теперь будет со мной? — прошептал он.

— Когда сможешь встать на ноги и выпишешься отсюда, тебя отправят домой. К своим.

Было утро, и вот он стоял, сжимая в руках сумку с личными вещами. Поезд только что остановился, и город, который он не видел столько месяцев, казался одновременно чужим и до боли родным.

А потом он увидел их.

Мария, Катя, Андрей, Сергей и Саша — друзья детства, те самые, с кем он когда-то бегал по этим улицам, прятался от дождя, делил последние конфеты и клялся, что никогда не бросят друг друга. Они стояли у выхода, и, когда Юджин появился, их лица озарились такой искренней, такой светлой радостью, что на секунду ему стало легче дышать.

— Юджин! — крикнули они почти хором, и уже через мгновение он был в их объятиях, среди смеха, слёз, похлопываний по спине и бесконечных: «Ты вернулся... Ты правда вернулся!»

— Пойдём, — улыбнулась Мария, вытирая слёзы. — Мы всё приготовили. Сегодня ты просто отдыхаешь. Никаких разговоров о войне. Сегодня — только мы.

И Юджин, чувствуя, как впервые за долгое время плечи немного опускаются, кивнул.

— Да, — тихо сказал он. — Сегодня просто отдохну.

Дом Юджина пах знакомо — старым деревом, корицей и тем особым уютom, который бывает только там, где тебя ждут. На столе громоздились тарелки, чашки, миски с домашней едой — друзья явно старались вернуть его в нормальную жизнь хотя бы через сытный ужин.

Юджин сидел, слушал их голоса, кивал, улыбался там, где надо. Но внутри всё было не так. Он будто находился за толстым стеклом: они говорили, смеялись, спрашивали, а звуки доходили до него с запозданием, как эхо из другого мира.

Он начал говорить — сначала тихо, потом чуть громче, будто сам себя уговаривал звучать нормально:

— Родителей у меня нет. Они погибли в авиакатастрофе. Давно уже. Но у меня были вы. И это... это было как семья. Вы мне её подарили.

Андрей хлопнул ладонью по столу, будто ставил точку:

— Вот именно! Поэтому мы тебе не дадим потерять себя. Сегодня ты дома.

Катя подлила ему чаю, Мария подвинула тарелку с пирогом:

— Расскажи, чего хочешь дальше? Ну, когда отдохнёшь. Может, в большой город пере-
едешь? Или тут останешься, дом подправишь? У тебя же тут столько воспоминаний...

Сергей наклонился вперёд, искренне, без подвоха:

— Ну, какие планы? Перспективы? Давай, расскажи. Хотя помечтаем вместе.

Юджин открыл рот, чтобы ответить что-то простое, вроде «не знаю», или «подумаю», или «потом». Но слова застряли. Потому что в голове вдруг вспыхнули кадры той ночи: ракеты, падающие с неба, хриплый крик капитана, земля, которая дрожит под ногами. «Мог ли я что-то сделать? Были ли у меня подозрения? О каком предательстве он говорил?» — эти вопросы крутились в голове, как лезвия, и резали любые попытки думать о будущем.

Голоса друзей стали тише, потом почти пропали. Осталась только эта звенящая тишина внутри, в которой кричали невысказанные «если бы».

Саша первым заметил, что Юджин будто выпал из разговора. Он молча протянул руку и положил её ему на плечо — просто, по-дружески, без лишних слов:

— Какой-то ты поникший. Слушай, давай лучше в клуб сходим, развеемся. Тут сидеть — только грустить. А там музыка, люди, всё как раньше. Ну, почти.

Юджин медленно перевёл взгляд на окно. За стеклом лежала ночь — чёрная, плотная, похожая на ту, из которой он едва выбрался. На секунду ему показалось, что она смотрит на него в ответ. Но потом уголки губ дрогнули в короткой, горькой

Ухмылке:

— А давай.

Они быстро убрали со стола, накинули куртки, вышли на улицу. Город жил своей жизнью: фонари горели, машины шуршали шинами, где-то вдалеке слышался смех. В клубе было шумно, ярко, тесно. Люди танцевали, двигались в ритме музыки, будто хотели стряхнуть с себя всё лишнее.

Юджин не пошёл на танцпол. Он сел за барную стойку, заказал виски, сделал глоток. Жидкость обожгла горло, но на секунду заглушила этот внутренний шум. «Может, и правда просто выдохнуть. Может, если я посижу тут, эти кадры перестанут мелькать перед глазами».

Всё вроде бы было хорошо. Музыка, свет, движение вокруг. Но тишина внутри никуда не делась — она просто притаилась, стала тяжелее.

И вдруг паника пришла ниоткуда. Не как мысль, не как воспоминание — как волна, которая накрыла его целиком, разом выбив воздух из лёгких. Юджин резко встал со стула, и в тот же миг его накрыло: он закашлялся, и на барную стойку упала капля крови.

Мир сузился до одной точки. Перед глазами вспыхнул маленький красный огонёк — яркий, неестественно чистый, будто нарисованный. Паника стала ледяной, острой, она резала изнутри, заставляя сердце биться так, что казалось, оно вот-вот прорвёт грудную клетку.

А потом случилось то, чего он не мог ни понять, ни остановить.

Его глаза изменились. Роговицы окрасились в густой, пульсирующий красный цвет, будто в них разлилась чужая сила. Из Юджина потянулись тонкие кроваво-красные нити — они вырывались из плеч, из груди, из самой его сути и в одно мгновение перерезали всё вокруг.

Танцующие падали, разрезанные невидимой бритвой, разрываясь на куски. Музыка обрывалась. Свет погас. Остались только одна большая лужа крови из всех разрубленных тел и тишина.

Юджин стоял посреди этого ужаса, не понимая, как он здесь оказался, не понимая, кто это сделал. Он поднял глаза, увидел лужи крови, тела, разорванные так, будто их коснулось что-то безжалостное. «Это я? Как? Это из-за меня?» — мысль была такой острой, что почти оглушила его.

С огромным усилием, цепляясь за остатки самоконтроля, он поднялся на ноги. Ноги дрожали, в груди всё сжималось от ужаса и вины. Он рванул к выходу, пробежал по коридору, мимо стойки, мимо того места, где только что сидел, и вылетел на улицу, в холодную, спасительную темноту.

Но и там не стало легче. Мир вокруг начал расплываться, как будто реальность трескалась по швам.

И в следующую секунду всё оборвалось.

Тишина.

Юджин резко встал с кровати, хватая ртом воздух. Простыня была мокрой от пота, волосы прилипли ко лбу, сердце колотилось так, будто пыталось вырваться наружу.

Он огляделся: знакомая комната, тусклый свет из окна, старый комод, полка с книгами. Всё на месте. Всё целое.

Это был сон.

Или... не совсем сон?

Он опустил ноги на пол, потрогал лицо, провёл пальцами по глазам — обычные, синие, без намёка на красный. Ни нитей, ни крови, ни клуба. Только он, комната и рассвет, который уже начинал пробиваться сквозь шторы.

Юджин глубоко вдохнул, потом выдохнул, стараясь унять дрожь. Но в голове всё ещё звучал этот вопрос, тяжёлый и холодный: «Если это был сон... то откуда я знаю, что это только сон?»

Юджин сидел на кровати ещё несколько минут, пытаясь унять дрожь. Простыня была холодной и липкой от пота, а в груди всё ещё колотилось сердце, будто хотело вырваться наружу. Он провёл ладонью по лицу — обычные глаза, никакой красной пелены.

«Это был сон. Просто кошмар. Слишком яркий, слишком настоящий, но всё равно сон», — повторял он про себя, как заклинание, которое должно было вернуть ему уверенность.

Он встал, привёл себя в порядок: умылся ледяной водой, переоделся в привычную тёмную куртку, которую носил ещё до войны. Хотел было налить себе чашку кофе, но рука замерла над туркой. Есть не хотелось. Аппетит будто смыло той волной паники.

И тут он заметил: телефон пропал. Не лежал на тумбочке, где обычно. Не в кармане куртки. Не на полу. Юджин обошёл комнату, заглянул под кровать, проверил все карманы, даже те, куда никогда ничего не клал. Пусто.

«Странно... Я же точно его вчера сюда положил».

Эта маленькая, бытовая странность вдруг сделала кошмар чуть более реальным. Если пропал телефон — значит, что-то в мире сдвинулось. Или он сам сдвинулся.

Не став завтракать, он вышел на улицу. Утро было прохладным, но не злым. В парке пахло мокрой травой и дождём, который прошёл ночью. Редкие прохожие шли по своим делам, не глядя на него, и от этой обыденности Юджину становилось чуть легче. Он шёл по тропинке,

вдыхая воздух, стараясь выгнать из головы красные нити и кровь на полу клуба. «Просто прогулка. Просто день. Просто я живой».

Он сел на лавочку под старым клёном, закрыл глаза и попытался сосредоточиться на звуках: шелест листьев, далёкий гудок машины, чей-то смех. Но тишина внутри не хотела уходить.

А потом мир исчез.

В одну секунду парк, клён, лавочка — всё растворилось в густой тёмно-красной тьме. Не было ни неба, ни земли, только пустота, окрашенная в цвет запёкшейся крови. И посреди этой пустоты стояли бордовые ступени, уходящие высоко вверх, туда, где терялся взгляд. На самом верху, на массивном красном троне, сидела девушка.

У неё были длинные волосы, ровно до талии, простая рубашка и юбка красного цвета, гольфы и плоские туфли. А на голове — маленькие, изящные рожки, будто отлитые из меди. Она сидела прямо, неподвижно, и смотрела на Юджина так, словно он был не человеком, а пятном на полу.

Она едва заметно взмахнула рукой.

Юджин почувствовал, как его тело перестало ему принадлежать. Кровь будто закипела в венах, обжигая изнутри, а мышцы сковало так, что он не мог даже пошевелить пальцем. Его колени подогнулись сами собой, и он рухнул перед ней, с трудом удерживая равновесие на четвереньках, а потом всё же опустился на колени.

«Как? Как она это делает? Кто она? Один взмах — и я уже на коленях? Это не сила. Это издевательство над самой природой».

Девушка смотрела на него сверху вниз, и в её взгляде не было ни злости, ни интереса — только ледяное равнодушие.

— Ты ничтожество, — её голос звучал негромко, но он проникал под кожу, как игла. — Ты — отброс, случайность, ошибка, которую я терплю лишь потому, что ты можешь быть полезен. Благодаря своей Богини за то, что я позволила тебе использовать эту силу. За то, что дала тебе шанс стать чем-то большим, чем просто никчёмностью.

Юджин сжал зубы, пытаясь хоть что-то сказать, но язык не слушался.

— Если ты посмеешь помешать моим планам, — продолжила она, чуть наклонив голову, — ты испытаешь страдания, которые и близко не сравнятся с тем, что были в вашем мире до моего прихода в ваш мир. Ты будешь кричать так, что даже мёртвые тебя услышат.

Её слова падали, как камни, разбивая остатки его уверенности. «Она... Это она всё устроила? Она стояла за предательством? Она убила их всех, просто чтобы проверить, как яотреагирую?»

Мир вокруг снова дрогнул, как треснувшее стекло, и в следующую секунду Юджин снова сидел на лавочке в парке. Солнце светило чуть ярче, ветер шевелил листья, а где-то вдалеке лаяла собака.

Он тяжело поднялся на ноги, потом снова сел, потому что колени предательски дрожали. Ладони были ледяными, хотя утро было тёплым.

«Что это было? Сон? Галлюцинация? Или я просто схожу с ума?»

Вопросы сыпались один за другим, тяжёлые, острые, не дающие дышать: «Кто она такая? Богиня? Демон? Хозяйка этой силы? Убила ли она моих друзей? Была ли та ночь её игрой? Как она смогла поставить меня на колени одним движением руки? Какая магия способна на такое?»

Он обхватил голову руками, пытаясь собрать мысли в кучу, но они разбежались, как испуганные птицы.

Юджин шёл по тропинке, и с каждым шагом тяжесть внутри будто становилась чуть легче — будто сам воздух здесь был другим, не пропитанным гарью и тревогой, как возле базы. Листья шелестели над головой, солнце пробивалось сквозь кроны тонкими золотыми нитями, и на мгновение ему даже показалось, что всё случившееся — лишь дурной сон.

Тропа плавно свернула, и перед ним открылся сад. Не обычный, а будто сотканный из тишины и света: клумбы с цветами тянулись ровными волнами, между ними вились узкие дорожки, а в центре, словно сама нежность решила принять человеческий облик, сидела девушка. У неё были белые волосы, струящиеся, как лунный свет, розовые глаза — будто в них застыл рассвет, и лёгкое голубое платье, почти невесомое. Она сидела на корточках, босыми ногами едва касаясь прохладной земли, и бережно собирала белоснежные подснежники, будто каждое соцветие было крошечным чудом.

Юджин замер, не решаясь нарушить эту картину. Он стоял, чувствуя, как внутри что-то тихо отзывается на эту хрупкую красоту — что-то давно забытое, из детства, когда мир ещё казался добрым.

Девушка вдруг подняла голову. Её взгляд скользнул по нему, задержался, и в нём мелькнуло удивление — чистое, без страха, будто она увидела что-то бесконечно дорогое и давно потерянное. Она медленно поднялась, держа в руках букет подснежников, и на её лице расцвела искренняя, тёплая улыбка.

— Человек, — произнесла она мягко, словно это слово было не обозначением вида, а именем, полным нежности. — Как же давно я не видела никого... настоящего.

Юджин хотел было ответить, но слова застряли в горле. В её голосе не было ни капли фальши, и от этого становилось странно — будто он вдруг стал чем-то важным, просто потому что стоял здесь, живой и настоящий.

И именно в эту секунду, когда тишина стала почти осязаемой, воздух позади девушки будто сгустился, потемнел, словно сама тень решила обрести форму. Из мрака метнулась фигура: человек и не человек одновременно. Его кожа, волосы, одежда сливались в сплошную чёрную тьму, будто он был вырезан из самой ночи. Только роговицы, ослепительно белые, горели, как два холодных огня, и в них не было ничего человеческого.

Он взмахнул мечом — движение было стремительным, беззвучным, смертоносным. Девушка едва успела повернуть голову, будто что-то почувствовала в последний миг... и клинок рассёк её горло. Кровь брызнула алой дугой, окропив нежные лепестки подснежников. Она пошатнулась, выронила букет и упала. Её взгляд, ещё секунду назад полный света, теперь был устремлён прямо на Юджина — пустой, потухший. Розовые глаза медленно тускнели, будто из них вытекала сама жизнь, а белоснежные цветы вокруг стали багровыми.

Юджин не успел даже закричать. Время раскололось на «до» и «после». Перед глазами застыла эта улыбка, это нежное «человек», этот миг, когда его называли чем-то дорогим — и тут же всё обратилось в пепел.

Тень, оставив за собой шлейф тьмы, рванулась к нему. Шаги отдавались в ушах глухим эхом, а в груди разрасталась ледяная пустота, смешанная с виной: он стоял и ничего не сделал, не успел, не смог.

Но прежде чем тьма дотянулась до него, реальность треснула. Из пустоты, будто из прорехи в самом воздухе, вылетела фигура — синеволосяя девушка с катаной. Её движение было не человеческим, а как у ветра: стремительное, точное, безжалостное. Удар прошёл по дуге, резкий импульс силы, и голова тени отделилась от тела, рассыпавшись алой кровью.

Она даже не замедлилась после удара — только на долю секунды замерла, поймав взгляд Юджина. В её глазах не было торжества, только холодная собранность и что-то ещё — лёгкая тень узнавания, будто она видела в нём не случайного прохожего, а того, чьё появление было предначертано.

— Беги! — её голос прозвучал твёрдо, но без жестокости, как приказ, который отдают, потому что знают цену секундам. — Здесь открылся портал Забвения. С минуты на минуту придут Опустошённые. Если хочешь жить — уходи сейчас, не оглядываясь!

Юджин брёл по улице, и каждый шаг давался тяжелее предыдущего. В груди будто лежал кусок льда — холодный, тяжёлый, не тающий. Всё вокруг казалось каким-то ненастоящим, будто он шёл сквозь сон, где привычные улицы стали декорациями к чужой, жестокой пьесе.

У края тротуара что-то тускло блеснуло. Юджин машинально наклонился и поднял телефон. Экран был в паутине трещин, корпус поцарапан, местами помят, но дисплей ещё жил — мерцал тусклым светом, словно из последних сил цеплялся за жизнь. В этом было что-то до боли знакомое: держаться, даже когда всё уже сломано.

Он сжал телефон в ладони, будто тот мог удержать его от падения в пустоту, и пошёл дальше.

Дверь квартиры открылась с привычным скрипом, и тишина внутри ударила по ушам сильнее любого крика. Раньше здесь всегда было шумно: смех, споры, кто-то вечно что-то ронял, хлопал дверцей шкафа, ставил чайник... Теперь тишина была не просто отсутствием звуков — она была наполнена отсутствием людей.

Юджин сел на край дивана, не снимая куртки, не включая свет. Пальцы сами потянулись к телефону. Он открыл чат, который ещё недавно был полон шуток и планов. Пролистал сообщения — и каждое слово теперь звучало как эхо из другого мира, из той жизни, которая уже не вернётся.

А потом он увидел новое сообщение — от знакомого номера. Короткое, безжалостное: «Клуб сгорел. Никто не выжил».

На секунду время будто остановилось. Юджин перечитал эти слова раз, второй, третий, надеясь, что буквы вдруг изменятся, сложатся в другую фразу, в какую-нибудь нелепую шутку, в ошибку, в плохой розыгрыш. Но они оставались прежними. Холодными. Окончательными.

В груди что-то оборвалось. Дыхание стало рваным, но чем больше он думал, тем яснее становилось: это она! Не просто знала. Она допустила. Позволила. Приняла как неизбежность.

И в эту самую секунду, когда ярость достигла предела, пространство вокруг него дрогнуло. Воздух стал вязким, словно густой сироп, стены комнаты на миг поплыли, как отражение в воде, по которой провели рукой. Юджина будто втянуло в невидимый водоворот: мир закрутился, потемнел, сжался в одну точку — и тут же распахнулся снова.

Когда зрение прояснилось, он понял, что стоит уже не в своей квартире. Вокруг царил полумрак, тяжёлый и неподвижный, будто воздух здесь был старше и тяжелее. Высокие колонны уходили вверх, теряясь во тьме, а между ними тянулись тонкие нити красного света — они мерцали, пульсировали, словно живые жилы.

В центре зала, на массивном каменном троне, сидела Марта. Её поза не изменилась, рука небрежно опиралась на подлокотник, ладонь прикрывала часть лица, будто ей было невыносимо скучно смотреть на этот мир. Она даже не вздрогнула от появления Юджина — только чуть приподняла бровь, как будто заметила на полу брошенную кем-то пуговицу.

Юджин тяжело дышал, грудь вздымалась, а взгляд не отрывался от этой девушки. В нём не осталось ничего от того растерянного парня, который ещё недавно стоял в саду, не зная, как реагировать на улыбку девушки с подснежниками. Сейчас в нём была только ярость — острая, звенящая, готовая перелиться через край.

— Это ты, — выдохнул он, и каждое слово звучало как удар. — Это ты сделала. Ты убила их. Всех. Моих друзей, моих людей, мою жизнь.

Она медленно опустила руку, чуть наклонила голову, рассматривая его, как рассматривают редкий, но неприятный экспонат.

— «Сделала», — повторила она спокойно, будто пробуя слово на вкус. — Как будто это был мой выбор. Как будто я взяла меч и лично перерезала каждую нить.

— Ты могла остановить это! — рявкнул Юджин, шагнув вперёд, и пол под его ногой едва слышно загудел, будто откликнулся на всплеск его эмоций. — Ты богиня! Ты сила! Ты знала, что будет, и ты позволила этому случиться!

Девушка на троне чуть прищурилась, и в её глазах мелькнуло что-то, чего Юджин раньше не видел — не холод, не насмешку, а... усталость. Мимолётную, как тень облака на скале, но настоящую.

— Остановила бы, — тихо сказала она, и голос её впервые прозвучал не как ледяной приказ, а как усталое признание. — И тогда трещина между мирами разорвала бы этот город на куски. Ты хочешь знать правду, Юджин? Вот она: иногда нет

— Правильного выбора нет. Есть только цена, которую приходится платить. И я плачу её. Каждый раз.

Но эти слова не погасили ярость Юджина. Наоборот, они только разожгли её сильнее.

— Не смей! — выкрикнул он. — Не смей прятаться за «необходимостью»! Они были живыми! Они смеялись, строили планы, верили, что завтра будет лучше! А ты просто решила, что их жизни — это приемлемая цена!

Девушка выпрямилась, и в зале будто стало холоднее. Её взгляд стал острым, как лезвие.

— Ты видишь только конец, — произнесла она, и теперь в её голосе не было ни капли усталости. — Ты видишь кровь и пепел. Но ты не видишь трещины, которая расползается по ткани реальности. Не видишь, как из неё лезет тьма, готовая поглотить всё. Я не выбираю. Я удерживаю. И иногда для этого приходится жертвовать тем, что дорого.

Юджин смотрел на неё, и в его груди бушевал ураган. Он хотел броситься на неё, схватить, встряхнуть, заставить почувствовать хоть каплю той боли, что разрывала его изнутри. Но он понимал: перед ним не обычный враг. Перед ним сила, которая смотрит на человеческие жизни как на песчинки в буре.

И вдруг, сквозь ярость, в нём мелькнуло что-то ещё — вопрос, который он сам не ожидал задать:

— А если бы это были твои друзья? Твои близкие? Ты бы тоже сказала, что это «необходимая цена»?

На мгновение в зале повисла тишина. Даже мерцающие красные нити будто замерли. Она смотрела на Юджина, и её лицо оставалось холодным, но в глубине глаз что-то дрогнуло — едва уловимо, как рябь на чёрной воде.

Она не ответила.

Юджин смотрел на неё так, будто в его взгляде собралась вся боль и ярость мира. Его глаза потемнели, черты лица заострились, дыхание стало тяжёлым, рваным — он выглядел как зверь, загнанный в угол и готовый броситься на того, кто отнял у него всё.

— Зачем?! — выкрикнул он, и голос его сорвался, став почти звериным. — Зачем ты убила их? Моих друзей, всех, кто был мне дорог! И скажи честно: это ты устроила обстрел базы той ночью?

Девушка чуть приподняла бровь, и в её позе не дрогнул ни один мускул. Она смотрела на него с холодным, почти оскорбительным спокойствием — так смотрят на того, чья горе кажется мелкой, досадной суетой.

— Ты — ничто, и звать тебя никак, — проговорила она ровно, без злобы, будто констатировала факт, как говорят: «Сегодня пасмурно». — И ты не в том положении, чтобы требовать ответов.

Но Юджин даже не моргнул. Он шагнул вперёд, сжав кулаки, и в этом движении было столько отчаяния, что даже воздух вокруг будто стал горячее.

— Отвечай! — рявкнул он. — Это была ты?

Она вздохнула, будто ей пришлось объяснять очевидное ребёнку, который никак не может понять простейших вещей.

— Так, про базу я ничего не знаю, — её голос звучал сухо, без намёка на раскаяние. — А вот про клуб... да, это моя вина. Но не в том смысле, в каком ты думаешь. Это не убийство. Это рождение.

Юджин замер, будто эти слова ударили сильнее любого кулака.

— Рождение? — прошептал он, и ярость в нём вдруг начала смешиваться с глухой, холодной болью. — Ты называешь смертью моих друзей какое-то своё чёртово «рождение»?

— Да, — спокойно подтвердила она. — Я богиня огня и крови. И каждый раз, когда я перерождаюсь в новом носителе, мир должен заплатить цену. Это не прихоть. Это функция моей природы, с самого моего первого рождения. До тебя были другие носители, и с ними происходило то же самое. Если бы это можно было избежать, я бы не допускала этого. Но механизм не спрашивает моего согласия.

Её слова падали в тишину тяжёлыми камнями. Юджин медленно опустил сжатые кулаки. Злость, которая клочкотала в нём, начала оседать, сменяясь чем-то более горьким — беспомощной, ледяной грустью. Он вдруг словно стал меньше, будто из него выкачали всю силу, оставив только пустоту.

— Значит, ты просто... не могла ничего сделать, — проговорил он тихо, почти себе под нос. — Просто стояла и смотрела, как сгорает всё, что мне дорого.

Он поднял на неё глаза, и в них уже не было звериной ярости — только глубокая, выжженная пустота.

— Как тебя зовут? Откуда ты? — вдруг спросил он посреди всей этой тьмы. — Ты... инопрешеленец?

В зале повисла такая тишина, что казалось, даже красные нити, мерцающие между колоннами, перестали пульсировать. Девушка на троне смотрела на Юджина так, словно он только что заговорил на языке, которого она никогда не слышала. Её лицо на секунду потеряло всю свою холодную невозмутимость.

— Чё? — произнесла она вслух, будто слово ударило её по ушам.

Юджин продолжал смотреть на неё с серьёзным видом.

А потом она вдруг рассмеялась. Громко, искренне, до слёз. Она смеялась так, что схватилась за живот, плечи её тряслись, а из груди вырывались хриплые, почти задыхающиеся звуки — будто этот вопрос прорвал плотину её вечного холода и выпустил наружу что-то давно забытое.

Когда смех наконец стих, она снова стала прежней — холодной, отстранённой, будто и не смеялась вовсе. Только в глазах ещё мерцали последние искры веселья, которые тут же погасли.

— То, что я посмеялась, — произнесла она уже твёрдо, возвращая голосу привычную сталь, — не значит, что наша с тобой связь станет ближе. Ты всё ещё тот мальчишка, который стоит на краю пропасти и не понимает, насколько она глубока.

— Я хочу, чтобы ты перестал мешать мне удерживать мою тишину, — резко ответила она, и в её голосе снова зазвенела сталь. — Ты сейчас стоишь здесь, сотрясаешь воздух, а энергия уходит впустую. Мне нужно стабилизировать мою жизненную энергию в твоём жалком разуме, а не выслушивать твои упрёки.

— Но они были моими друзьями! — снова выкрикнул Юджин, и голос его дрогнул.

— А теперь они — топливо, которое не дало сгореть всему городу, — жёстко отрезала она, и в её взгляде не осталось ни намёка на сочувствие. — И если ты продолжишь стоять у меня на пути, следующими станут те, кто тебе ещё дорог. Так что замолчи и дай мне поработать.

Юджин застыл, будто слова ударили его физически. Он хотел что-то сказать, снова крикнуть, броситься вперёд, но в груди вдруг стало пусто — не от того, что ярость ушла, а от того, что он вдруг увидел эту картину целиком: не злодейку на троне, а механизм, в котором он сам был лишь искрой, способной поджечь порохов.

— Хватит, — произнесла девушка на троне сухо, и в этом слове звенела окончательность. — Ты мелешь чушь, задаёшь глупые вопросы и мешаешь мне удерживать мою тишину. Если хочешь выжить — не стой у меня на пути. А если хочешь ответов — ищи их там, где не нужно смотреть мне в глаза.

Она даже не повысила голос. Просто щёлкнула пальцами — легко, небрежно, будто отгоняла надоедливую щенка.

И мир снова дрогнул.

Не было ни водоворота, ни тьмы, ни ощущения падения — только мгновенная, резкая смена декораций: гулкий зал с колоннами и холодом вечности исчез, а вместо него перед глазами снова возникла привычная комната. Юджин едва успел схватиться за спинку стула, чтобы не потерять равновесие. Часы на стене по-прежнему тихо тикали, телефон лежал экраном вверх, а за окном город жил своей обычной жизнью — будто ничего и не было.

Юджин медленно выдохнул, и этот выдох получился каким-то пустым, будто вместе с воздухом из него выходила вся ярость, вся надежда на то, что сейчас ему всё объяснят, всё распутают и сделают мир снова понятным.

Он опустился на край дивана, провёл ладонью по лицу, стирая остатки этого странного, нереального напряжения. И вдруг понял: вопросов не стало меньше. Наоборот, они теперь громоздились в голове, как камни, но впервые за долгое время он не хотел на них отвечать. Не хотел думать, не хотел искать смысл там, где его, возможно, просто не было.

«Она богиня, — пронеслось у него в голове, и эта мысль уже не казалась бредом. — И, наверное, есть и другие... такие же, в других людях. Носители. А ещё есть чёрные тени, зовущиеся Опустошёнными, — те, кто убивает без жалости. Всё это теперь часть реальности. Но прямо сейчас мне не нужно знать всё».

Он встал, глубоко вдохнул и посмотрел на свою квартиру уже другими глазами — не как на место, которое стало пустым и холодным, а как на островок тишины. Здесь не было ни трещин между мирами, ни богинь на тронах, ни теней с белыми глазами. Здесь были только старые чашки, стопка книг, забытый свитер на спинке стула — вещи, которые не требовали от него быть героем или жертвой.

Юджин решительно тряхнул головой, прогоняя последние отголоски того ледяного зала.

— Ладно, — пробормотал он себе под нос. — Ответы никуда не денутся. Я их найду. Но не сегодня. Сегодня я просто... отдохну.

Он не стал включать телевизор. Не стал проверять телефон, даже когда тот тихо пискнул, напоминая о непрочитанных сообщениях. Вместо этого он взялся за обычные, земные дела: вымыл посуду, которую откладывал уже второй день, протёр пыль с полок, переставил пару книг — просто чтобы почувствовать, как пальцы касаются чего-то реального. Каждое простое действие будто возвращало его обратно в собственное тело, вытаскивало из той бездны, куда его швырнуло за последние часы.

Когда вечер окончательно опустился на город, окрасив улицы в мягкие сине-фиолетовые тона, Юджин накинул куртку и вышел на улицу. Воздух был прохладным, пах дождём и мокрым асфальтом, и это тоже было настоящим — никакой магии, никакой тьмы, только город, который жил своей жизнью.

Он шёл не спеша, без цели, просто позволяя шагам задавать ритм. Мимо проплывали витрины, редкие прохожие, фонари зажигались один за другим, и с каждым метром напряжение в груди становилось чуть слабее. Юджин смотрел на отражения в лужах, на тени от деревьев, на свет в чужих окнах — и впервые за долгое время чувствовал, что он просто человек, который идёт по улице и дышит.

В какой-то момент он остановился у небольшого сквера, где на скамейке кто-то забыл книгу. Юджин наклонился, поднял её, стёр капли дождя с обложки и на секунду задержал в руках. Это был старый детектив — простые люди, простые проблемы, никакого спасения миров. Он улыбнулся — впервые за этот бесконечный день.

— Может, завтра прочитаю, — тихо сказал он сам себе и положил книгу на скамейку, чтобы её мог забрать тот, кому она нужнее.

Он снова пошёл вперёд, чувствуя, как ночной воздух остужает горящие от усталости мысли. Пусть завтра будет новый день. Пусть завтра он снова начнёт искать ответы. Но сегодня он заслужил хотя бы несколько часов тишины.

Вечерело. Город постепенно сбрасывал с себя дневной шум: гул машин становился тише, голоса прохожих растворялись в сгущающихся сумерках, и на первый план выходили другие звуки — шелест листвы, далёкое уханье совы, тихий шёпот ветра в кронах деревьев. Юджин шёл всё дальше от освещённых улиц, туда, где асфальт сменялся тропинкой, а фонари — звёздами, пробивающимися сквозь прорехи облаков. Он любил эти моменты, когда мир будто становился проще: только он, природа и тишина, в которой можно было спрятать даже самую тяжёлую боль.

Тропа вывела его к невысокому утёсу — скорее даже к большому каменному уступу, выступавшему над заросшей травой поляной. И там, метрах в шести над землёй, сидела она — та самая девушка с синими короткими волосами. В той же синей рубашке, с чёрным галстуком, в короткой юбке и длинных носках; её синие глаза спокойно смотрели вниз, прямо на Юджина. Но теперь в её взгляде не было той стальной собранности, с которой она рубила тень. Сейчас она улыбалась — лёгкой, доброй улыбкой, будто хотела показать: сейчас не нужно никуда бежать, не нужно сражаться, можно просто выдохнуть.

— Ну что ж, а теперь можем с тобой спокойно поговорить, — сказала она мягко, чуть наклонив голову. — Здравствуй, необычный человек.